

Марина
СЕРОВА

НОВАЯ
КНИГА

Каменное
СЕРДЦЕ

РУССКАЯ БЕСТСЕЛЕР

Марина С. Серова
Каменное сердце
Серия «Частный детектив
Татьяна Иванова»

Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=166863
Каменное сердце: Эксмо; М.: 2005
ISBN 5-699-09607-8

Аннотация

Ни с чем подобным частному детективу Татьяне Ивановой еще не приходилось сталкиваться, это уж точно! Снайперским выстрелом в голову убит известный стилист Женя Приходько. Вот только как правильно сказать: убит или убита? Дело в том, что незадолго до смерти Женя перенес операцию по смене пола и стал женщиной. Кому же понадобилось убивать его... или ее? Неужели это сделал кто-то из тех, с кем Женю связывали интимные отношения? При столь необычных обстоятельствах проще простого вызвать ревность и злость бывших пассий. Но ведь из-за этого не убивают! Или все-таки убивают?..

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	25
Глава 3	52
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Марина Серова

Каменное сердце

Глава 1

Сегодня я проснулась довольно поздно и в прекрасном настроении. Потянулась в кровати и сказала самой себе: «Эх, хорошо-то как, Танюха!» Взглянула в окно – солнышко светило совсем не по-осеннему. На дворе стояло бабье лето. Сентябрь выдался теплым и солнечным.

Я вспомнила вчерашний день, и настроение еще больше поднялось. Вчера со мной рассчитался клиент по последнему делу, я подумала о той кругленькой сумме, которую он отвалил мне за работу, и на сердце стало просто замечательно. Вот теперь, Татьяна свет Александровна, можно подумать и об отдыхе. Сейчас на море бархатный сезон...

Я снова потянулась в постели. Не буду сегодня вставать рано, поваляюсь еще немножко. Дел все равно никаких нет, а побаловать себя, любимую, надо, хотя бы изредка. Я представила, как скоро буду нежиться на теплом песочке в окружении таких же отдыхающих... Отдых – моя больная тема. В силу своей работы – или профессии, не знаю, как лучше сказать, – мне не часто приходится видеть этот самый отдых. И когда выдается денек-другой для отдыха, я радуюсь, как

ребенок. А уж если в поле зрения появляется не то чтобы денек, а целых несколько деньков для вожаделенного отдыха, я просто таю от радости и переполняющего меня счастья.

Провалявшись в постели еще почти час, я все же решила встать, иначе так и пролежу весь день неумытая и непричесанная под одеялом.

Безделье... Какое сладкое слово...

Я приготовила себе нехитрый завтрак, приняла душ, а потом устроилась с сигаретой и чашкой настоящего ароматного кофе на диване, перед телевизором. Пощелкав пультом, нашла какую-то юмористическую передачу и углубилась в «отдых». Надо начинать прямо сейчас, решила я. Постепенно привыкну к состоянию безделья, а потом потихоньку соберусь и отправлюсь куда-нибудь на Кавказ или в Крым... Я даже зажмурилась от удовольствия при мысли о Черноморском побережье.

Из состояния неги меня вывел настойчивый звонок в дверь. «Кого еще черт принес?» – выругалась я про себя. Обычно мои клиенты сначала звонят по телефону, а уж потом, если я даю добро, приходят в гости. Я взглянула на часы – двенадцать пополудни. Для визитов друзей рановато. Тогда кто же это?

Я отставила в сторону чашку с кофе и отправилась открывать дверь. Пока шла по коридору, звонок прозвучал еще пару раз. «Вот ведь какой назойливый!» – уже с некоторой долей раздражения подумала я о неожиданном визитере.

Открыв дверь, я увидела молодого человека весьма странной наружности. Он стоял на лестничной площадке в довольно необычной позе. Облокотившись одной рукой о дверной косяк, молодой человек другую руку водрузил себе на талию. Ноги его были скрещены, и носок одной ноги упирался в пол. Молодой человек был достаточно высок ростом, худощав, к тому же довольно элегантно, хотя и немного вызывающе, одет. Я слегка опешила и поймала себя на том, что попросту откровенно разглядываю посетителя.

На вид парню было лет двадцать, не больше, но, приглядевшись, я поняла, что это не так. Из состояния бессовестного разглядывания он вывел меня вопросом, произнесенным весьма писклявым и по-женски жеманным голосом:

– Здрасьте. Это вы Татьяна Иванова?

– Я. Проходите, – я прекратила нагло пялиться на визитера и пригласила его войти, отойдя в глубь прихожей.

– Спасибо, – с томным вздохом произнес посетитель.

Он вошел, бегло огляделся в коридоре и томно проговорил:

– Мы можем побеседовать?

– А по какому делу? – поинтересовалась я.

– Я бы хотел вас нанять как частного детектива. Вы ведь частный детектив? – Парень то ли надменно, то ли капризно надул губы.

– В общем-то да... – начала я, собираясь как-нибудь отвяжаться от свалившегося как снег на голову нового клиента, но

молодой человек не дал мне придумать причину для отказа. Он деловито осмотрелся и прошел в комнату, где я только что мирно попивала кофе, покуривала сигарету и мечтала о столь долгожданном отдыхе.

– Садитесь, – указала я посетителю на кресло.

– Спасибо, – снова жеманно произнес он, уселся в кресло, закинул одну ногу на другую, облокотился о подлокотник и театрально подпер ладонью щеку.

– Слушаю вас, – я устроилась на диване и выжидательно уставилась на столь раскованного юношу.

– Давайте я для начала представлюсь, – произнес молодой человек. – Меня зовут Саша. Фамилия моя Кудряшов. Можете называть меня просто по имени, без всяких там формальностей. Ненавижу всевозможные глупости типа имени-отчества и так далее... Значит, так, – продолжил он. – Я хотел бы нанять вас для расследования одного убийства. Я знаю, вы этим занимаетесь, – Кудряшов уставился на меня, явно ожидая подтверждения своих слов.

Я молча кивнула.

– Простите, Таня, – растягивая слова, прогундосил Саша. – А у вас можно курить?

– Пожалуйста, – я подвинула гостью пепельницу, в которой лежал мой окурок. Кудряшов закурил, а мне представилось, что в облачке табачного дыма тают мои так и не осуществившиеся мечты о море и об отдыхе.

Саша глубоко затянулся длинной тонкой белой сигаретой,

прикрыв глаза от удовольствия, потом изящно стряхнул пепел в пепельницу, оттопырив при этом мизинец. Сигарету он держал двумя вытянутыми пальцами, и мои первые впечатления от вида сегодняшнего гостя оформились в мысль о том, что он принадлежит к категории людей нетрадиционной сексуальной ориентации. Так жеманно он вел себя и так изящно проделывал каждое самое обыкновенное движение, что я чуть ли не залюбовалась присущей ему театральностью.

– Так что насчет дела? – напомнила я, поскольку заметила, что Саша столь увлекся собственной томностью, что, похоже, даже забыл, зачем вообще сюда явился.

– Что? Ах да! – снова театральная жест – этакий всплеск тонкой изящной ручкой с ухоженными ногтями. – Боже! Я до сих пор в шоке! Такой ужас... такой ужас... – принялся нелепо бормотать он.

Кудряшов вновь затянулся и погрузился в какие-то свои воспоминания. Мне же вдруг пришла в голову мысль, что молодому человеку просто негде было покурить, и он решил почему-то проделать это в моей квартире. Я решила подождать немного – вдруг парнишка все-таки вынырнет наконец из состояния самоуглубленности. А нет – выгоню странного посетителя к чертям собачьим!

Саша, словно прочитав мои мысли, принял напряженную позу, выпрямил спину, часто заморгал длинными и, кажется, накрашенными ресницами и заговорил:

– Понимаете, Танечка... Тут такое ужасное дело! Вы наверняка знаете уже... Это произошло позавчера... – Саша проникновенно посмотрел мне в глаза и умолк.

Да что за придурок такой? Меня начали тихо бесить причуды этого ненормального. Еще пять минут такого общения, и я точно выкину его из дома. Да еще пинка дам для скорости.

– Я ничего не слышала, я не смотрю телевизор и не читаю газет. И вообще новостями не интересуюсь!

– Как же! – всплеснул руками Саша, едва не опрокинув пепельницу. – Разве вы не в курсе? Ведь позавчера произошло убийство. Боже мой! Какой был человек! Это же убийство русского Версаче!

– Какое убийство? Вы серьезно? Я ничего не слышала. Давайте-ка, расскажите все по порядку. Но только, пожалуйста, без интимных подробностей, типа «О, боже!» и «Какой ужас!». Хорошо?

Я заметила, что Саша слегка надул губы и обиженно отвернулся в сторону. Он сделал последнюю затяжку и затушил сигарету в пепельнице. Все это он проделал в глубоком молчании, и мне уже показалось, что он окончательно обиделся на меня и сейчас встанет и уйдет. Может быть, это было бы и неплохо. Во всяком случае я бы смогла взяться за претворение в жизнь мечты об отдыхе у моря. Но Кудряшов, поджав губы, проговорил тихо, хотя и с пафосом:

– Вы просто не знаете, какой это был человек. Как я любил

его!

«Ага, значит, убили гомика», – подумала я. Как интересно! Кстати, таких убийств я еще ни разу не расследовала. Ну и кого же это убили позавчера в Тарасове, а я ничего об этом не знаю? Где же я была позавчера? Ах да, весь день проторчала в засаде по своему последнему делу. Видимо, это серьезное занятие и стало причиной моего пробела в знании последних светских новостей «из жизни гомосексуалистов».

– А поконкретней! – грозно сказала я, давая Кудряшovu понять, что я тут не потерплю никаких телячьих нежностей «любил-не любил». Не хватало мне выслушивать еще и всякие «голубые» охи-ахи!

Саша вздохнул и опустил глаза. Потом поднял их на меня, и я увидела, как из одного глаза покатила слезинка. Ничего себе, новости какие... Вот только рыдать мне тут не нужно! Но Саша сам неожиданно прекратил это представление и заговорил чуть более по-деловому, хотя и скорбным голосом:

– У меня был друг. Его звали Женя. Это был замечательный человек... Он был такой жизнелюбивый, такой веселый... Просто прекрасный человек! Но позавчера его не стало. Молодую прекрасную жизнь оборвал один меткий снайперский выстрел... – Саша снова судорожно вздохнул и опустил глаза. Потом достал из кармана носовой платок и принялся громко сморкаться в него. После того как эта процедура была наконец окончена, он извинился и продолжил: – Так вот. Женю убили. И я хочу, чтобы вы выяснили, кто именно

это сделал.

– Из ваших слов я совсем не поняла, кто такой Женя и что там с ним стряслось, – начала я, – но могу дать вам один совет – обратитесь в правоохранительные органы. Они как раз занимаются тем, что расследуют подобные вещи. Я думаю, у них больше шансов, чем у меня, распутать гибель вашего друга.

– Что вы! – всплеснул руками Саша. – Правоохранительные органы, скажете тоже... Да не пойду я туда! У них ведь даже название-то какое-то неприличное. Надо же было назвать свою организацию «органами», – мне показалось, что Кудряшов даже хохотнул, когда я упомянула про милицию. – Ну, а если серьезно, – насупившись, проговорил он, – то именно из-за бездействия наших, как вы, Танечка, изволили выразиться, правоохранительных органов я и пришел к вам. В милиции мне сказали, что это заказное убийство, что найти как заказчика, так и исполнителя не представляется возможным, а когда я стал ругаться и настаивать на расследовании, меня вообще послали куда подальше, солдафоны чертовы, – с обидой в голосе выпалил на одном дыхании Кудряшов.

– Ну хорошо, – проговорила я. – Давайте поступим так. Лучше я сама буду задавать вам вопросы, а вы будете отвечать на них. Договорились? Так мы сможем сдвинуться с мертвой точки.

– Хорошо, – жеманно произнес Саша. – Только мне нуж-

но сходить попудрить нос, – кокетливо сказал он и поднялся с кресла. – Где у вас туалет? А то я что-то расчувствовался, глаза теперь красные будут... – Саша встал и принялся легонько похлопывать себя про щекам, пытаясь, вероятно, привести в норму цвет лица.

Пришлось скрепя сердце проводить его до туалета.

Вскоре Саша появился в комнате. Отсутствовал он всего ничего. Наверное, и вправду пудрил нос. Надеюсь, он не пользовался моей косметикой...

Кудряшов устроился в кресле и, снова закинув ногу на ногу, достал и закурил новую сигарету. Оттопырив мизинец, он затаился, выпустил колечко дыма изо рта и сосредоточенно посмотрел на меня:

– Я готов! – Парень буквально выдохнул эту фразу, как будто речь шла о том, что я собираюсь лишить его невинности.

– Расскажите подробно, что за друг у вас такой, которого убили, как его звали, чем он занимался, где жил? – зачастила я вопросами.

Прежде чем ответить, Саша долго обдумывал ответ. Потом наконец собрался и проговорил:

– Женя Приходько, отчества не знаю. Жил на Большой Казачьей, двадцать восемь, номера квартиры тоже не знаю. Его убили позавчера выстрелом в голову. Скорее всего стрелял снайпер, это так наша безмозглая милиция думает.

– Без комментариев, пожалуйста! – пришлось слегка по-

высвить голос. – Иначе я и слушать вас не буду. Мы же договорились, что вы излагаете только голые факты, никакой отсебятины.

– Голые так голые, Танечка, – испуганно проговорил Саша, закатив глаза. – Зачем же так кричать? Я же все понимаю, – и потом вдруг добавил просящим тоном: – А вы правда найдете того, кто убил Женю?

– Не знаю. Я вообще еще не решила, возьмусь ли за ваше дело.

– Как?! Вы не можете вот так взять и бросить меня на произвол судьбы. Танечка, да что вы, – снова принялся причитывать Кудряшов. – Это же был мой друг! Это же...

– Стоп! – остановила его я. – Поехали дальше. Чем занимался ваш друг?

– Он был... – начал Саша, но потом запнулся и уставился на меня, как будто вспомнил что-то важное. – Как, – вдруг вскричал он, – разве вы не знали его?!

– Кого? – устало спросила я.

– Женю! – Саша воззрился на меня так, словно я не знала, что такое таблица умножения.

– Нет, я не знала никакого Женю, – отрапортовала я. – Так что там по поводу его работы?

– Я не понимаю, – не обращая внимания на мои слова, Саша обиженно отвернулся. Он продолжал разговаривать как будто сам с собой. – Вроде бы молодая привлекательная девушка, неужели вы не следите за модой? Неужели вы ни разу

не посещали ни одного модного в Тарасове салона красоты? Разве вы не ухаживаете за собой?

При этих словах я невольно оглядела себя. Господи, неужели я так ужасно выгляжу, что какой-то гомик делает мне замечания по поводу моей внешности? Да нет, вроде ничего кошмарного во мне сегодня нет... Ну, не причесана, ну, не накрашена... И что с того? Но ведь природную красоту никуда не денешь. Если уж она есть, то ее не спрячешь.

– Так, давайте ближе к делу. Что за салон?

– Салон «Солнечный берег» знаете?

– Слышала. Вам легче от этого?

– Не надо так, – обиделся Саша. – Мой друг, между прочим, работал там ведущим специалистом. Он был стилистом, визажистом, парикмахером, в общем, у него было множество самых разнообразных талантов и склонностей.

«Помимо гомосексуальной», – едва не добавила я, но вовремя сдержалась, помня простую истину, что о покойниках говорят либо хорошо, либо не говорят вовсе, если ничего хорошего сказать о них нельзя.

– И что?

– Так вот, – продолжил Кудряшов, – мой друг был одним из лучших... – Саша всхлипнул.

– Так что же произошло?

– Вот это я и прошу вас, Танечка, выяснить, – Саша поднял на меня заплаканные глаза и посмотрел проникновенно.

– Так, хорошо. Но мне нужны какие-то исходные данные.

Нужно знать все подробности, я не могу вот так с ходу взять и выяснить обстоятельства его смерти. Вы знаете, были ли у вашего друга враги, недоброжелатели? Кто вообще мог желать его смерти?

– Да что вы! – театрално всплеснул руками Кудряшов. – Какие враги? Какие недруги? Женя был... Он был такой замечательный...

– А что же тогда такого замечательного Женю взяли да и грохнули? – ляпнула я.

– Не надо так! – грозно проговорил Саша, резко выпрямившись в кресле. – Не говорите так о человеке, которого вы совсем не знали, – Кудряшов отвернулся. Потом, помолчав немного, снова развернулся ко мне и спросил: – Вы возьметесь? Я просто не понимаю, как вы могли не слышать об этом происшествии? – возмущенно проговорил он. – Весь город уже который день только и говорит о нем.

– Ну, а я вот не слышала, извините, – съязвила я. Меня взбесило то, что какой-то голубой парнишка высказывает недовольство, что я не слышала о том, как грохнули какого-то другого голубого.

– Танечка, пожалуйста, – просительным тоном произнес Саша. – Я просто не знаю, к кому еще обратиться. В милиции, по-моему, не будут этим делом особенно заниматься. Вы меня понимаете? Но ведь кто-то же его убил...

– Да как я могу начать что-то выяснять, если вы мне ничего толком не можете рассказать! Только всхлипываете и

вздыхаете...

Кудряшов снова жеманно вздохнул и мрачно задумался. Потом вдруг просветлел лицом и неожиданно заявил:

– А знаете, мне кажется, что я знаю, кто может быть причастен к его смерти, – проговорил он.

– Так пойдите в милицию и расскажите об этом, – посоветовала я.

– Да что вы! – всплеснул руками Саша. – Там даже и слушать не будут. Тем более там такой человек... – Кудряшов многозначительно закатил глаза, что, видимо, должно было означать, что тот, о ком он говорит, не самый последний лох в Тарасове. – И к тому же... – Саша потупил взгляд, – вы же понимаете, как грубые солдафоны относятся к людям творческим. Тем более к таким, каким был Женя.

– О господи! – взмолилась я. – Ну, хорошо. Давайте с этого места поподробнее.

– Понимаете, я не сказал самого главного, – начал Саша, уложив руки на колени. Боже мой, как он меня уже утомил! – Я вам не сказал одну вещь. Дело в том, что Женя, он всегда был не таким, как большинство мужчин...

– Это я уже поняла, – устало произнесла я. – Он был гомосексуалистом. Дальше.

– Нет, вы не поняли, – настойчиво проговорил Кудряшов. – Вы, видимо, не знаете разницы между гомосексуалистами и тем, кем был Женя.

– А что, у вас еще и подразделения имеются? – ядовито

спросила я, но Саша не обиделся на мое высказывание. Я была нужна ему, поэтому ему приходилось терпеть мое отношение к нему в частности и к людям, подобным ему, вообще.

– При чем здесь подразделения? – терпеливо спросил он. – Дело в том, что Женя не был рядовым гомосексуалистом...

– Ага, – перебила я Кудряшова. – Он был выдающимся гомосексуалистом. Я уже слышала от вас, что он был ведущим... или, как там у вас это называется...

– Нет, речь не об этом, – невозмутимо произнес Саша. – Просто с детства Женя ощущал себя не тем, кем родился. Он всегда знал, что его женская сущность была помещена не в то тело. В мужское тело. И очень сильно страдал из-за этого, – Кудряшов не обратил внимания на мой тяжелый вздох. – Так вот. Совсем недавно Женя все же решился на отчаянный, но вынужденный шаг: он собрался сделать операцию по перемене пола. Он всегда был транссексуалом, поэтому дальше жить в мужском обличье не представлял для себя возможным.

– Так значит, он был не мужчиной? – изумилась я. Такого поворота дела я вовсе не ожидала и даже заинтересовалась.

– Он не был мужчиной вообще никогда, – пояснил Кудряшов. – Но ему приходилось мириться с ошибкой природы. Но потом он все же сделал операцию и наконец-то стал женщиной. Нормальной, полноценной женщиной. Сбылась его

давняя мечта.

– Так он что, трансвестит?

– Фу ты, господи! – возмутился Кудряшов. – Ну при чем здесь трансвестит?! Что вы такое говорите? Как маленькая, ей-богу! Трансвестит – это совсем другое. Женя стал женщиной. Такой же, как вы, как многие другие женщины. Понимаете?

– Не понимаю. Но это неважно, продолжайте.

– Операцию ему делали в Москве, и в Тарасове мало кто знал об этом. Но и знали-то только близкие люди вроде меня, поэтому, естественно, никто не распространялся на эту тему. После того, как он вернулся в Тарасов, он стал жить нормальной жизнью. Той, о которой всю жизнь мечтал. Но недолго ему пришлось наслаждаться счастьем... – Саша снова всхлипнул и отвернулся, вытирая глаза вышитым шелковым платком.

Я подождала, пока он успокоится, достала сигарету и закурила. Наконец, минута молчания по безвинно убиенному «мужчине, ставшему женщиной» закончилась, и Саша продолжил:

– Так вот, когда он стал женщиной, он завел себе бойфренда. Здесь, в Тарасове. Естественно, не из простых... – многозначительно произнес Кудряшов. – Женя работал в престижном салоне, поэтому и клиенты у него были соответствующие. Получилось, что Женя понравился одному крутому бандиту. Они начали встречаться...

– А потом бандит узнал, что его девочка вовсе не девочка, – прыснула я. – Вот уж, наверное, для него был удар. По-моему, он, бедняга, видать, должен был покончить с собой. Кто же выдержит такое? Да и братва его не поняла наверняка.

– Зачем вы все время юродствуете? – грозно спросил Саша. – Ведь Женя уже умер, а вы так себя ведете.

– Извините, – я поняла, что веду себя на самом деле несколько неадекватно с потенциальным клиентом, но такая история... – Продолжайте.

– Они встречались какое-то время, а потом тот человек узнал каким-то образом, – Саша потупил глаза, – что Женя...

– Не совсем тот, за кого себя выдает, так? – помогла я.

– Нет, не так. Женя был нормальной женщиной, я же вам сказал. Просто есть на земле еще такие выродки, которые не способны воспринимать человека таким, какой он есть. Они слишком закомплексованы, полны предрассудков, – Саша принялся горячо защищать себе подобных. Видать, давно наболело. – Так вот: бойфренд закатил Жене скандал, они поссорились и расстались. Расстались довольно бурно. Бандит потребовал, чтобы Женя в кратчайшие сроки покинул Тарасов. Иначе... Ох, он говорил Женечке такие ужасы, – Саша закатил глаза.

– Он угрожал убийством? – спросила я, чтобы вернуть Кудряшова к действительности.

– Угрожал, – подтвердил Кудряшов. – И он мог и убить. Может, и на самом деле он и убил, – сделал вывод Саша.

– А почему же Женя не уехал... не уехала, тьфу, ты! Как его... ее... называть?

– Я же вам сказал, Женя была нормальной женщиной. Просто я по старой памяти говорю о Жене, употребляя в речи мужской род.

– Так давайте перейдем на женский, а то я с вами совсем запуталась. Ну и почему Женя не уехала из города после угроз? Наверняка ведь понимала, что бандитствующий бойфренд не шутил.

– Женя была нормальной женщиной, – в сотый раз повторил Саша. Или повторила? История начинала интересовать меня все больше и больше. – Женя и не собиралась никуда уезжать. А с какой, позвольте спросить, стати? Из-за одного полоумного бандита, который возомнил себя пупом земли и вершителем судеб? Он ведь сам увлекся Женей, дарил ей роскошные букеты, великолепные подарки... А когда узнал, что она бывший мужчина, то сразу же повел себя, как последняя скотина.

– Значит, Женя, зная, что ее жизни угрожает опасность, все-таки осталась в Тарасове и продолжала работать?

– Да.

– И вы думаете, что виновником ее смерти стал именно этот ее последний бойфренд?

– Да, я так думаю, – категорично заявил Саша, гордо под-

няв голову.

– А другие любовные истории у Жени были?

– Нет. Это был ее единственный роман с тех пор, как она стала женщиной во всех смыслах этого слова.

– Значит, других врагов и недоброжелателей у нее не было?

– Насколько мне известно, нет, – Кудряшов отвернулся.

– Хорошо. Мне надо подумать, – сказала я и вышла из комнаты.

История, конечно, мягко говоря, не совсем обычная. Но мне она была интересна. Только я не знала, стоит ли браться за расследование. Ведь если официальная версия правоохранительных органов – заказное убийство без следов преступника, то вряд ли я, частный детектив-одиночка, смогу пролить свет на столь таинственную и сверхнеобычайную ситуацию. Я сомневалась. А когда я сомневаюсь, то всегда прибегаю к помощи моих верных старых друзей – гадательных «костей» – двенадцатигранников. Они всегда находятся у меня под рукой, независимо от того, где нахожусь сама я – в машине, дома, в засаде. Мои верные помощники всегда со мной.

Вот и на этот раз я отправилась в дальнюю комнату, где в комод у меня хранился черный бархатный мешочек с «костями» – додекаэдрами.

Бросив «кости» на гладкую поверхность стола, я наклонилась, чтобы получше рассмотреть выпавшее сочетание. Та-

ких сочетаний насчитывалось очень много, но я почти все помню наизусть. Особенно те, которые мне нравятся. На сей раз «кости» показали: 11+20+27. Это сочетание означало, что меня ожидают «новые яркие впечатления».

Ну, спасибо, «косточки» дорогие! То, что новые и яркие, это и так понятно. Если я возьмусь за расследование данного дела, то «новые и яркие впечатления» можно будет хоть солить. И как же мне все-таки быть? «Кости» не дали никакого напутствия, или же я его просто не сумела понять. Нет, скорее всего «кости» советуют мне взяться за дело, раз уж предвещают, что жизнь моя в скором будущем будет насыщена этими пресловутыми «новыми и яркими». Я подумала еще минутку и поняла окончательно и бесповоротно, что все же возьмусь за расследование. Тем более что все официальные новости можно будет узнать через моих друзей в милиции, например через Гарика Папазяна или Кирю. Кроме того, они же смогут мне помочь в случае необходимости по части физзащиты.

Я убрала магические «косточки» обратно в мешочек и положила в ящик комода. Потом подошла к зеркалу, вспомнив намек своего сегодняшнего гостя или гостьи... Неужели плохо выгляжу? Осмотрела себя и осталась вполне собой довольна. Пригладила непослушную челку, откинула назад пряди волос, улыбнулась своему изображению в зеркале и отправилась обратно в комнату, где меня ожидал мой странный посетитель.

Тем временем Саша не скучал. Он подошел к окну и, приняв задумчивую позу, жеманно курил, выпуская дым в открытую дверь балкона. Услышав мои шаги, он даже не соизволил обернуться. Просто тихо спросил, не меняя позы:

– Ну что, Танечка, вы возьметесь за это дело?

– Дело в том, Саша, что я довольно прилично беру за свои услуги. Вам это известно?

– Разумеется, – томно ответил Кудряшов. – Вы ведь не думаете, что я нашел объявление о ваших услугах в местной газете. Мне порекомендовали вас одни мои знакомые, которые очень вас хвалили. Естественно, я в курсе ваших расценок. – Саша повернулся ко мне лицом и приторно улыбнулся.

А я лихорадочно соображала, какие же это мои знакомые водят столь странные знакомства. Вроде бы никаких отклонений подобного профиля ни у кого из моих приятелей и друзей не наблюдалось...

Ну да ладно, сказала я сама себе.

– Значит, вы согласны платить по двести баксов за сутки работы плюс текущие расходы?

– Двести зеленых, Танечка, в сутки плюс текущие расходы – не такая уж большая сумма. Во всяком случае, для меня, – при этих словах мизинец Кудряшова самопроизвольно оттопырился в сторону, а сигарету Саша резко выбросил в окно.

– Ну, что ж... Если это для вас не деньги и все остальное вас тоже устраивает, то я, пожалуй, возьмусь распутать убий-

ство вашего друга... подруги... Вы уж извините, не знаю, как правильно говорить. Тогда по рукам? – спросила я и задорно посмотрела на Сашу.

– По рукам, – игриво откликнулся он.

Я посмотрела на него и подумала: он что, всегда кокетничает? Даже когда поблизости нет мужчин? Или он меня воспринимает как мужика только потому, что я не кокетничаю. Не настолько же я, в самом деле, плохо выгляжу. Вот противный!

Глава 2

Когда Саша ушел и я осталась одна, то первым делом решила связаться с Гариком Папазяном. Это мой старейший – не в смысле возраста, а по количеству лет дружбы – приятель в погонах. Гарик тысячу лет работает в милиции, оброс многочисленными связями и знакомствами, поэтому даже если чего-то он не сможет сделать сам, то обязательно находит какого-нибудь товарища по службе, который сделает это. А значит, нет ничего невозможного для частного детектива Татьяны Александровны Ивановой, раз у нее такие друзья. И я набрала номер телефона Гарика. Мне ответил усталый и монотонный голос.

– Алло, слушаю.

Папазян говорит почти без кавказского акцента. Иногда, например, когда он сильно устает, акцент пропадает напрочь. Сейчас я даже не узнала голос, поэтому осторожно спросила, боясь нарваться на кого-нибудь из его коллег:

– Гарик, ты?

– Я, Танечка, я, милая... – голос сразу приобрел веселые оттенки и зазвучал громче и увереннее. И мой друг, как часто бывает, когда он говорит со мной, начал бессовестно утрировать акцент. – Вай, вай, Таня-джан, как это ты собралась позвонить старому, больному, несчастному и никому не нужному Гарику?

– Что значит никому не нужному! А я? А мне? Мне ты нужен, Гарик. И немедленно выбрось из головы эти черные мысли, – подхватила я игру, тоже слегка дурачась.

– Нужен?! – заорал Гарик в трубку. – Неужели, дорогая?! И когда же наконец наступит тот знаменательный день и час, когда ты придешь в мои объятия?

– Гарик, ну я же не об этом, – пожурила я его.

– А я об этом, – настойчиво проговорил Папазян.

– Гарик, если честно, то я опять по делу. Я знаю, ты будешь ругаться, но только ты можешь мне помочь. Только в твоих силах воскресить надежду, уже почти погибшую в моей душе, – поэтично сказала я.

– Вай, как красива гаварышь, Таня-джан! – Гарик поцокал языком. – Ну ладно, что за дело?

– Не по телефону, Гарик. Можно я приеду?

– Конечно, зачем спрашиваешь, да? Когда?

– Желательно сегодня. Гарик, а ты не мог бы для меня сделать одну вещь?

– Мог бы. Какую именно?

– Тогда посмотри дело. Чтобы я приехала, и ты уже не искал его, а?

– Хорошо, только что за дело? – Папазян перешел на обычный тон.

– Это по убийству некой... дамы, – проговорила я с заминкой. – Ты наверняка слышал: позавчера застрелили Евгению Приходько, она работала в...

– Еще бы не слышал! – присвистнул Гарик. – Я сам начал работать по этому делу, но потом его передали в прокуратуру. По-моему, дело собираются закрывать за недостаточностью улик. Там явное заказное убийство. И абсолютно без улик. Ни исполнителя, ни заказчика. Так ты расследуешь это убийство?

– Да, меня нанял друг убитой.

– Друг... – Гарик произнес выразительно. – Там такая история! Ты в курсе, что эта Приходько вообще какой-то са-моделкин?

– В курсе, Гарик, в курсе. Так я приеду?

– Ну, конечно, приезжай. Когда ты будешь?

Я посмотрела на часы, прикидывая, сколько мне понадобится на сборы и на дорогу, и ответила:

– Минут через сорок – сорок пять буду.

– Ну, тогда я, если что, у себя.

Гарик повесил трубку, я тоже. Быстро собравшись, я причесалась, подкрасилась, оделась и вышла из дома. Сев в машину, я вставила ключ в замок зажигания и покатила к управлению, где работает мой давний друг Гарик Папазян.

Приехала я ровно через сорок пять минут. Гарик, как и обещал, был у себя и ждал меня. Когда я вошла в его кабинет, увидела на столе бутылку «Фанты» и два пластиковых стаканчика.

– Это для тебя, – указал Гарик на сервировку. – Сама понимаешь, алкоголь на рабочем месте распивать запрещает-

ся, но я же не мог встретить тебя с пустыми руками.

– Спасибо, Гарик, ты настоящий друг, – я послала ему воздушный поцелуй, и Гарик схватился рукой за щеку, как будто там был запечатлен мой поцелуй.

– Садись.

Я расположилась на стуле напротив Гарики, он разлил по стаканам напитков и сел на свое место.

– Значит, так, – начал Папазян. – По делу мало что известно. Убийство явно заказное. С крыши соседнего дома был произведен снайперский выстрел. Из СВД, естественно, – пояснил Гарик. – Дальше... На крышу того дома сразу же поднялись оперативники из убойного отдела, но, разумеется, никого не нашли. Нашли только черную полумаску. По следу сразу же пустили собаку, но она довела оперов только до ближайшей дороги – там, видимо, преступник сел в машину и уехал. Все, больше никаких данных по делу нет, – подвел итог Гарик, отхлебывая из своего стаканчика.

– А где это случилось?

– А ты что, вообще ничего не слышала? – удивленно поднял брови Папазян.

– Нет, Гарик, ничего. Весь позавчерашний день я провела в засаде, а там не было ни радио, ни даже телевизора. И вчера мне тоже было не до того. Дела, знаешь ли... – развела я руками.

– Странно, вчера весь день по телеку только об этом и трезвонили.

– Так что там насчет места убийства? – напомнила я Гарику.

– Ах да, место. Убийство произошло около нашего телецентра. Эту Приходько пригласили на передачу – прямой эфир, все такое... – сморщился Гарик. – Она приехала на место, вышла из машины, направилась ко входу, и вот тогда в нее и был произведен выстрел. Прямо в голову, в затылок. Очень метко и профессионально. Мгновенная смерть, – констатировал Папазян. – Тебе еще налить?

– Да, спасибо, – я задумалась. Мысленно представила себе район телецентра. Гарик словно прочитал мои мысли:

– Там напротив, помнишь, стоит здоровенный такой десятиэтажный дом. Вот с его крыши и был сделан выстрел. Он так удобно расположен для убийцы, что милиция, даже если бы приехала еще раньше, все равно не успела бы задержать его. Дом-то длиннющий – подъездов восемь, наверное. Пока его обежишь, кто угодно успеет спуститься вниз и дать деру. Вот такие пироги, Танечка, – Гарик с расстроенным видом принялся пить большими глотками из стаканчика.

– Ясно, – подытожила я.

– Ты надеешься распутать это дело? – озабоченно спросил Гарик.

– Надеюсь. А что, думаешь, не получится?

– Не знаю. По-моему, всяк капитальный. Однозначно.

– Я постараюсь, Гарик. Ты же меня знаешь, я настырная.

– Ай, знаю, ай, настырная! – заулыбался Гарик. – А толь-

ко я еще настырней. Так когда же, уважаемая Татьяна Александровна, ты почтишь мое скромное жилище своим присутствием? Я все жду-жду, а ты все не едешь и не едешь... – Гарик сокрушенно покачал головой.

– Как-нибудь приеду, Гарик. Вот распутаю это дело и обязательно приеду, – Папазян просиял. – Наверное, – добавила я, чтобы он слишком уж не надеялся.

Остаток «Фанты» мы допивали под совместное обсуждение Жени и Саши как представителей группы сексуального меньшинства. Гарик, как всегда, отпускал шуточки на сей счет, а я улыбалась, вспоминая Сашу с его жеманными манерами. Не у всякой, даже самой кокетливой женщины бывают подобные манеры, подумала я.

* * *

Я приехала домой и первым делом пошла на кухню, чтобы приготовить себе кофе. Я знаю толк в этом напитке и не употребляю всякие суррогаты, что подают в кафешках, называя почему-то черным кофе. Свой волшебный напиток я готовлю по особому, собственному рецепту. И получается у меня кофе неизменно изумительный и восхитительный.

Я взяла сигарету и чашку с кофе и устроилась в кресле. Гарик подкинул мне информацию к размышлению. Почему Приходько убили именно при входе на телестудию? Наверняка это неспроста. Значит, кто-то знал, что в этот день и

в это время она прибудет на студию. Кто-то следил за ней. Господи, конечно, следил! Ведь если некто нанял киллера, чтобы покончить с Женей Приходько, значит, он должен был предоставить ему максимум информации.

Как выяснить, кто это мог быть? Возможно, Кудряшов сможет пролить свет на это. Откуда брать подозреваемых? Ну, во-первых, надо будет встретиться с тем бойфрендом, о котором говорил Саша, выяснить, не причастен ли он к убийству. Между прочим, запросто мог. Если он на самом деле такой крутой мужик, как расписывал его Кудряшов, то вполне мог и заказать свою бывшую подружку, когда понял, что та, несмотря на угрозу, не собирается уезжать из города. Страх быть опозоренным перед братвой мог заставить его действовать решительно.

Это первое. Что второе? А вторым подозреваемым может быть и Кудряшов, пришла мне в голову шальная мысль. Почему бы и нет? Ведь известны сотни случаев, когда сам преступник выступает активным помощником в расследовании совершенного им преступления. Если он уверен, что никаких следов я не найду, почему таким способом не отвести от себя подозрения?

Я задумалась. Нет, вряд ли Кудряшов убийца. Ему ни к чему отводить от себя подозрения, ведь официальное расследование практически в тупике. Тем более что его никто и не подозревает. Хотя проверить этого странненького субчика все равно надо, мало ли что.

Ну вот, два подозреваемых у меня уже есть. И это при том, что я еще не общалась ни с кем из близких Приходько. Я взглянула на часы, день был в самом разгаре. А почему бы прямо сегодня не съездить в тот самый знаменитый салон и не поговорить с коллегами и приятелями Жени?

Я решила, не теряя времени, отправиться в салон «Солнечный берег» прямо сейчас. Собравшись, я взяла ключи от машины и направила свои стопы в это заведение, одно из самых модных и дорогих в Тарасове.

Но перед тем как ехать в салон, где работала жертва, решила завернуть к Кудряшову. Позвонила ему из машины домой и не застала никого в квартире. Очевидно, Саша живет один. Потом набрала номер его сотового.

– Слушаю вас, – услышала я в трубке жеманный голос Саши.

– Саша, здравствуйте еще раз, это Иванова.

– А, Танечка, – радостно провозгласил Кудряшов. – Рад вас слышать. Что-нибудь случилось?

– Пока нет. Просто я хотела с вами побеседовать. Вы не возражаете?

– Нет, нет, что вы! Конечно, приезжайте. Вы где сейчас?

– Я в машине. Позвонила вам домой, но там никого нет. А вы где?

– Я на работе, – растягивая слова, произнес Кудряшов. – Вы можете приехать прямо сюда, если не возражаете.

– Не возражаю. Говорите, куда ехать.

– Я работаю в салоне «Иветта», на проспекте Кировцева. Вы должны знать его, – не без гордости проговорил Кудряшов.

– Знаю, – язвительно произнесла я. – Этот салон не так давно открылся, насколько мне известно, – пусть парнишка не думает, что я немодная и несовременная.

– Совершенно верно, – произнес Саша. – Так приезжайте прямо сейчас, я как раз пока свободен. Внизу спросите меня, вас проводят.

– Хорошо, через пятнадцать минут буду, – сказала я и отключилась.

Вырулив со двора, я направилась в центр Тарасова, на проспект Кировцева – самое центральное и модное в городе место. Именно там недавно открылся новый крутой салон «Иветта». Но до места назначения на машине не добраться. Поскольку по самому проспекту автомобильное движение запрещено. Поэтому мне пришлось оставить свою верную бежевую «девятку» в переулке и топать туда пешком.

Я пока не имела возможности посетить новый салон и, когда подошла к тому зданию, где расположился салон, была приятно удивлена. Салон красоты занимал оба этажа старинного двухэтажного особняка в самом сердце проспекта Кировцева. Здание капитально отреставрировали, так, что я даже не узнала его вначале, только потом вспомнила, что раньше там находился магазин «Сладости».

Теперь особняк было не узнать. Он сиял новенькой крас-

кой, снаружи весь первый этаж был отделан пластиковой вагонкой нежно-салатного цвета. На обоих этажах стояли пластиковые окна с тонированными стеклами. Над входом красовалась шикарная вывеска – «Иветта». Я протянула было руку к двери, но широкие зеркальные двери сами распахнулись.

«На фотоэлементах», – подумала я.

Войдя внутрь, я оказалась в прохладном просторном холле. Никого вокруг не было. Я огляделась, и сразу же, словно по волшебству, откуда-то из темноты ко мне вышла девушка в светлой блузке и темной юбке, с бейджем на груди.

– Добрый день, – вежливо улыбнулась она. – Чем могу быть вам полезна?

– Добрый день, – ответила я. – Я хотела бы увидеть Александра Кудряшова.

– Пойдемте, я вас провожу, – девушка указала рукой на дверь, видневшуюся в глубине холла.

Мы пересекли холл и оказались в узком коридоре, ведущем в другое такое же просторное помещение. Пройдя по коридору, мы вошли собственно в зал, где я увидела стойки с зеркалами для парикмахеров. За несколькими стойками сидели посетители, вокруг которых хлопотали мастера причесок. Кудряшова среди них не было.

Девушка, не останавливаясь, провела меня через весь этот зал, и мы снова оказались в узком темном проходе. Миновав и его, вошли наконец в небольшой светлый зал, где в углу

располагалась высокая кушетка, застеленная белой простыней, а прямо посередине находилось еще одно большое зеркало и кресло перед ним. У окна в зальчике стоял низенький журнальный столик из темного стекла, на котором лежали всевозможные цветные журналы и буклеты. На кожаном диванчике около столика сидел, углубившись в какой-то журнал, сам Кудряшов.

Девушка пропустила меня вперед и, мягко улыбнувшись, наклоном головы указала на Сашу.

– Саша, к вам, – обратилась она к нему, после чего испарилась так же незаметно, как и появилась.

Кудряшов, оторвавшись от чтения и бросив на меня быстрый взгляд, тут же отложил журнал в сторону и встал навстречу мне.

– Как вы быстро приехали, – распахнув руки, как для объятий, произнес он. Я чуть отшатнулась в сторону, боясь, как бы Кудряшов и правда не полез ко мне обниматься. Вот еще с педиками я не обнималась! А он, взмахнув рукой, указал на диван, с которого только что встал, и предложил: – Устраивайтесь поудобнее, давайте поговорим.

Только я собралась было присесть на удобный диванчик, как вдруг Саша вперил в меня изумленный взгляд. Я тоже опешила от его взгляда и замерла на месте.

– Таня! – воскликнул Кудряшов. – Таня! Боже мой! – и он всплеснул руками.

– О, господи! Что произошло? Что такое? – переполоши-

лась я.

– Ваши волосы! – театрально возопил Саша. – Ну что это такое? Я как профессионал просто не могу смотреть спокойно на такое безобразие! – Саша оглядывал меня с нескрываемым ужасом, словно у меня на голове были не волосы, а самая настоящая копна соломы.

– А что такое? – успокоилась я немного. – Волосы как волосы.

– Ну, что у вас за прическа, Таня? Я не понимаю, как уважающая себя молодая интересная женщина может позволить себе разгуливать по улице с такой вот ужасающей прической.

– А что? – удивилась я. – Прическа как прическа. Я же не на бал сегодня собиралась, а по делам. Вашим же, кстати. И потом я не разгуливаю по улице, а езжу на машине.

– Все равно, – не унимался Саша. – Нет, это просто невозможно! Садитесь, немедленно садитесь! – Я снова шагнула к дивану и собиралась было уже опуститься на него, но Кудряшов завопил дурным голосом:

– Не сюда, вон туда! – Он указал на кресло перед зеркалом. – У меня пока нет никого из клиентов, так что в свободное время займусь, пожалуй, вами. А то это просто переходит все границы. Нет, – он с жеманным вздохом отвернулся, закатив глаза, – я просто не могу на это смотреть! Садитесь, я сейчас сделаю из вас человека.

«Подумаешь, человека он из меня сделает!» – с ноткой обиды подумала я. Какой-то голубой будет мне указывать,

как я должна ходить по улицам, с какой прической мне жить и так далее... Моя прическа, конечно, не шедевр, но и не такая уж ужасная, как он тут расписал. Я взглянула на себя в зеркало – ничего кошмарного. Волосы собраны в пучок сзади и заколоты. Пол-Тарасова ходит с такой же точно прической, и ничего, никто еще не умер. Потом я перевела взгляд на многочисленные фотографии и картинки с женщинами и мужчинами с самыми невероятными прическами, стрижками и укладками на голове, и снова посмотрела на свое отражение. Хотя, может, он и прав, действительно как-то не очень...

Я уселась в глубокое удобное кресло перед огромным зеркалом с подсветкой по бокам, Саша подошел ко мне сзади и накрыл всю меня голубой накидкой, завязав ее на шее. Потом он начал пристально меня разглядывать, прикидывая, что можно соорудить на моей голове, чтобы было «живенько». Потом ему в голову, очевидно, пришла какая-то идея: глаза Кудряшова загорелись, и он принялся ожесточенно стягивать с моих волос заколку.

Распустив их, он стал расчесывать волосы сначала массажной щеткой, потом деревянной расческой с крупными редкими зубьями.

– Так о чем вы хотели со мной поговорить? – напомнил мне Кудряшов.

– Ах да, – опомнилась я. – А что же вы ничего не сказали мне о том, что Женю убили, когда она входила в телестудию?

Ее, кажется, пригласили на какую-то передачу. Так?

Я увидела в зеркале оторопевшего Сашу – он стоял, замерев с расческой в руках, и часто-часто моргал.

– А разве я не сказал вам? – недоуменно спросил он.

– Нет, не сказали. Я узнала это сегодня по своим каналам. Расскажите поподробней, что за передача, кто пригласил ее туда и все остальное.

– Ну-у, – протянул Саша, и я заметила, как к нему снова вернулась его обычная жеманность и театральность. – Женю пригласили принять участие в авторской передаче об известных в Тарасове людях. Я не помню, как она называется и кто ее ведет... Так вот, на этот день была назначена съемка передачи или это был прямой эфир? Не помню, – Саша по-детски наморщил лоб. – Утром, часов в одиннадцать, по моему.

– Значит, кто-то знал, что Женя в тот день отправится на передачу? – спросила я, с ужасом наблюдая, как Саша сооружает на моей голове нечто невообразимое.

– Да знали, конечно, – пожав плечами, ответил Саша. – Женя и не делала из этого секрета. Знали все ее знакомые, друзья.

– А тот ее любовник, ну, из бандитов, он мог знать, что Женя будет на телестудии?

– Не знаю, – задумчиво проговорил Саша. – Мог и знать, наверное.

– А насколько вы были близки с Женей в последние ме-

сяцы ее жизни? – спросила я.

Саша, прежде чем ответить, замялся и потупил глаза. Потом он принялся бормотать что-то, но я не поняла, что именно. Наконец, он поднял глаза и посмотрел в зеркало. Мы встретились взглядами, и Кудряшов проговорил:

– Понимаете, Танечка... Дело в том, что мы с Женей в последнее время не очень ладили.

– Как это? – не поняла я. – Вы ведь сказали, что были друзьями.

– Ну да, были... когда-то, – Саша понизил голос. – Но потом, в последнее время мы как-то не очень дружили. Понимаете, у нас не так давно произошла одна неприятная история, после которой мы перестали общаться... Мы были в ссоре. Но до этого действительно дружили, клянусь вам! – Саша так горячо принялся убеждать меня, что они с Женей на самом деле были когда-то друзьями, как будто от этого зависела его жизнь.

– Я вам верю, Саша, верю, успокойтесь, – проговорила я. – Только почему же вы мне сразу обо всем не рассказали? – Я пристально посмотрела в глаза Кудряшову.

Он смущенно отвел взгляд.

– Я забыл, – банально ответил он. – Просто был так взволнован, что упустил из виду...

– А можно поинтересоваться, по какому поводу у вас испортились отношения с Женей? И когда это произошло?

Саша с обиженным видом расчесывал и вновь рассыпал

мои волосы. Он то собирал их в пучок, то снова раскидывал по голове, пытаясь сделать что-нибудь, что его устроило бы.

– Мы поругались год назад. Тогда еще Женя был... еще не был женщиной. Мы работали вместе в одном салоне, сейчас он уже не существует. Назывался салон «Кредо», на Второй Садовой. Может, слышали? – Я кивнула на всякий случай. – Так вот, тогда Женя и я не были еще так известны, как теперь... Таня, – вдруг перебил сам себя Саша, – я не буду детально излагать, из-за чего именно мы поругались, это не относится к делу, просто скажу, что Женя тогда поступила не очень красиво. У нас были небольшие неприятности с ребятами... Я имею в виду... м-м-м, – Саша замялся, пытаясь подобрать наиболее точное слово. – Обычно это называют «крышей». Ну, вот, у нас были некоторые разногласия с этой самой «крышей», и Женя мог их уладить. Но вместо этого он попросту спихнул всю ответственность на меня. А эти ребята из «крыши», сами понимаете, – настоящие троллодиты, они же не могут общаться на человеческом языке, – я посмотрела в зеркало – Саша сдувал с ногтей невидимую пылинку. – Мне, конечно, досталось, – наконец проговорил он, – но я не в обиде на Женю. Мы всегда были друзьями, и я его простил... Вот, собственно, и все. Больше мне нечего добавить к сказанному.

– Так, значит, вы были в ссоре в последнее время? – спросила я, глядя в зеркало, как Кудряшов творит что-то невообразимое с моими волосами. Он ловко вертел в руках нож-

ницы и пару расчесок.

– Да, мы не общались. Но я все равно сохранил дружеские чувства к Жене.

– Я что-то вас не понимаю, – посмотрела я в зеркало. – А зачем же вы тогда заказали расследование смерти Жени?

– Как зачем? – возмутился Кудряшов. – Я же вам говорю, мы были друзьями, и то, что произошло год назад, не испортило нашей дружбы. По крайней мере я все забыл и простил Женю. А кто старое помянет, тому, как известно, глаз вон! – снова закокетничал Саша.

– Все равно я вас не понимаю, – проговорила я в тот момент, когда Саша резко наклонил мою голову вперед, перекинув все волосы мне на лицо. – Странно все это...

– Ничего странного. Посидите пока так, – деловито сказал он, и я услышала, как сзади застрекотали ножницы.

Через час мой новый образ был готов. Я открыла глаза и посмотрела в зеркало, готовая к самому худшему. Но, к моему величайшему удивлению, из зеркала на меня взглянула молодая, весьма привлекательная девушка лет двадцати пяти, не больше, светловолосая, с потрясающей стрижкой. Я даже не берусь описать это словами. Саша сотворил на моей голове нечто совершенно чрезвычайное.

Во-первых, он сделал мне стрижку, волосы аккуратно подравнял, сделав какую-то совершенно необычную асимметрию. Волосок был уложен к волоску, кроме того, несколько прядей на голове он сделал синими, несколько красными и

несколько ярко-зелеными. Причем смотрелось все это просто великолепно. Я даже не ожидала подобного эффекта. Я прямо на глазах помолодела лет на пять. И выглядела весьма эффектно. Повертев головой вправо-влево, я залюбовалась своим отражением.

Я увидела довольного Сашу у себя за спиной. Он стоял, скрестив на груди руки, словно художник, любующийся своим произведением. Выражение лица Кудряшова было самозабвенным и мечтательным.

– Вам нравится? – гордо спросил он, заранее уверенный в ответе.

– Очень. Спасибо вам, Саша. Даже не ожидала, если честно.

– Ну, что вы! Неужели вы могли подумать, что я могу сделать плохо? Я же не какой-нибудь кустарь-одиночка из местной бани, где стрижка стоит пятнадцать рублей. Я профессионал, – изрек он. Я действительно заметила, как Саша преобразился во время работы. Наверное, ему очень нравится то, что он делает, и он умеет делать свою работу качественно и красиво. Мысли о работе натолкнули меня на мысли о моем собственном деле. Я ведь тоже сейчас нахожусь на работе, между прочим. И нечего тут любоваться новомодной стрижкой и разноцветной окраской волос.

Я встала с кресла, сняла с себя накидку и отдала ее Кудряшову.

– Сколько я вам должна? – деловито спросила я и потяну-

лась было к сумке.

Саша сделал огромные глаза и замахал на меня руками:

– Да вы что, Таня! Я это в виде эксперимента. Это моя личная разработка, моя идея. Эксклюзив, так сказать. Вы мне ничего не должны. Вернее, нет, должны. Найдите того, кто убил Женю. Больше мне ничего не надо.

– Ну, хорошо, – я взяла сумочку и повесила ее на плечо. – А вы не знаете, где разыскать того бандита, с которым встречалась Женя?

– Не знаю, – опять кокетливо заговорил Саша. – Но могу узнать. Есть один юноша, который был другом Жени. Он должен знать и самого Бакаева, и где его можно найти. Если хотите, подождите здесь, я сейчас позвоню и все разую.

Я кивнула.

Кудряшов удалился в дальнюю комнату, оставив меня в одиночестве. Вернулся он через несколько минут, неся в руке листочек бумаги с написанным на нем адресом и телефонами. Протянув листочек мне, Саша проговорил:

– Только не упоминайте, пожалуйста, что это с моей помощью вы узнали адрес. Я не хочу закончить свои дни так же, как Женя...

– Хорошо, буду нема, как рыба, – улынулась я. – До свидания.

– Чао! – донеслось мне вслед.

Я вышла из салона красоты и пошла по проспекту к своей машине. Сев в нее, я посмотрела на бумажку с адре-

сом. Аккуратным ровным почерком Саши там было написано: «Бакаев Николай Васильевич», и далее шел адрес и три телефона этого самого гражданина Бакаева. Я перечитала еще раз написанное, чтобы запомнить на всякий случай, потом убрала листочек в сумку. Вставив ключ в замок зажигания, я плавно тронулась с места.

* * *

Бакаев жил за городом в довольно обширном и благоустроенном коттедже. Прежде чем ехать к нему в гости, я позвонила. Снял трубку мужчина, очевидно, сам хозяин. Я не стала ничего говорить, просто проверила, есть ли кто дома. А после звонка я сразу же отправилась к обманутому бойфренду Приходько.

Подъехав к коттеджу, я оставила машину чуть дальше, а не у самых ворот, чтобы не привлекать излишнего внимания. Подойдя к металлическим воротам, выкрашенным в голубой цвет, я подняла руку и нажала на кнопку переговорного устройства. В аппарате что-то щелкнуло, и я услышала тот же голос, что и по телефону, только несколько искаженный связью:

- Кого надо? – довольно неприветливо спросил хозяин.
- Из милиции! – наглым тоном заявила я.
- Что нужно? – грубо спросил Бакаев. Видимо, это был он сам.

– Поговорить с гражданином Бакаевым.

В домофоне воцарилось молчание. Я подождала несколько секунд, потом хотела было снова позвонить, но голос не менее угрожающе произнес:

– По какому вопросу? – Бакаев говорил так, будто это не к нему приехали из милиции, а он сам был блюстителем порядка.

– По интимному, – резко проговорила я. Мне надоели эти препирательства по домофону. – Откройте! – потребовала я.

Вместо ответа я услышала щелчок домофона, который должен был означать, что меня сообразовали впустить. Одновременно с этим щелчком я услышала тонкий звук, который издавала отпертая дверь.

Я дернула металлическую дверь на себя, она легко подавалась. Я вошла внутрь и потянула дверь на себя, собираясь прикрыть ее за собой. Но она как будто упиралась, и я оставила свою попытку. И тогда увидела, что дверь плавно закрывается сама, без посторонней помощи. Глазая на чудеса современной техники, я даже не заметила, как открылась дверь в доме, и на крыльце появился мужчина в тренировочных брюках и светлой майке с надписью «ADIDAS» на груди.

– Вам кого? – спросил он, даже не поздоровавшись.

– Мне Бакаева, – проговорила я и достала из кармана заранее приготовленное удостоверение работника прокуратуры, оставшееся у меня с того времени, когда я там работала.

Оно было давно просроченным, но редко кто из тех, кому я демонстрировала свои «корочки», замечал это. – Я из милиции, – бодро заявила я и, подойдя ближе к дому, ткнула чуть не в лицо хозяину свою «левую» ксиву.

Бакаев тупо уставился в «корочки», потом перевел взгляд на меня, видимо, пытаясь сверить фото с оригиналом.

– Здрасьте, – наконец поздоровался он. – Я Бакаев.

– А я из милиции, – снова сказала я. – Я могу войти?

– А в чем, собственно, дело? – наглым тоном спросил Бакаев.

– Давайте пройдем в дом, и я вам все объясню.

– Ну, проходите, – неохотно пригласил меня хозяин.

Мы прошли в дом, на кухню. Бакаев в выжидательной позе встал у двери, подперев косяк, а я устроилась на стуле.

– Я по поводу убийства некоей Евгении Приходько. Вам известна такая личность?

– Нет, – заявил Бакаев и отвернулся.

– Не надо отпираться, – произнесла я. – Вы ведь знали ее...

– Никого я не знал! – взорвался Бакаев. – Я вообще не понимаю, при чем здесь я.

– Я вам сейчас все объясню, – терпеливо пояснила я. – Или вы предпочитаете разговаривать в отделении? Я сделала вам одолжение, приехав сюда, потому что думала, у нас получится доверительный разговор. Но раз вы ведете себя таким образом, видимо, мне придется вызвать вас повест-

кой из-за подозрения в причастности к убийству Приходько. Такой вариант вас устроит больше? – Бакаев молчал, глядя в пол. – И не надо думать, что вы сможете отмазаться. Доказать ваше знакомство с Приходько не составит большого труда. Есть свидетели, которые видели вас вместе, которые знали, что вы были знакомы и встречались. Так как, будем здесь разговаривать? Или вы все же предпочитаете побеседовать в отделении?

– Я не понимаю, при чем тут я, – продолжал упираться Бакаев.

– Так вы были знакомы с Приходько?

– Ну, да... – обреченно проговорил мужик.

– В каких вы были отношениях?

– Ни в каких! – резко проговорил хозяин дома. – Я вообще отказываюсь разговаривать с вами без своего адвоката.

– Хорошо, но тогда я буду вынуждена вызвать вас в отделение милиции. Туда вы сможете прийти с адвокатом, с прокурором, с мамой, с папой, с кем угодно... Хотя для вас же лучше было бы поговорить со мной здесь и сейчас, на вашей территории.

– Ну, хорошо, – наконец сдался Бакаев. – Что вы хотите?

– Я хочу знать, в каких отношениях вы находились с покойной Евгенией Приходько? – терпеливо повторила я свой вопрос.

– Я... – Бакаев замаялся. Потом сел на стул, скрестил руки и опустил голову. – Мы встречались какое-то время. Совсем

недолго, – торопливо добавил он, – где-то с месяц...

– И что потом?

– Потом ничего. Мы расстались. Я вообще не понимаю, какие ко мне могут быть подозрения?

– Вас подозревают в причастности к убийству Приходько, я же вам уже сказала. Разве вы не слышали, что ее убили?

– Слышал, – глухим голосом проговорил Бакаев, но сразу же понял, что совершил ошибку. Он поднял на меня испуганные глаза и замолчал.

– А откуда вам стало известно о смерти Приходько? Может, вы сами заказали ее?

– Да никого я не заказывал! – вскипел Бакаев. – Я вообще случайно узнал о ее смерти – кто-то из пацанов обмолвился. Все же знали, что я с ней встречался. Там вообще такая история была... – махнул рукой Бакаев.

– Нам известна эта история, именно поэтому вы первый на подозрении. Есть свидетели, которые могут подтвердить, что вы после разрыва с Приходько прилюдно угрожали ей, требовали уехать из города.

– Да ничего я не угрожал! Просто поругались, и я сгоряча ляпнул лишнего. А то у вас никогда такого не было; когда разозлишься на кого-нибудь – такого наговоришь... И про убийство, и про все остальное.

– Нет, у меня такого не бывает. Я не бросаю слов на ветер. Уж если я пообещаю кого-то убить, то убью. А сгоряча подобных вещей не говорю.

– Да не убивал я ее! И зря вы меня подозреваете, – Бакаев даже засмеялся, – глупости какие!

– Ну, это суд будет решать, – строго сказала я ему, – что глупости, а что нет.

Бакаев при упоминании о суде сразу же напрягся и умолк. Он сидел все в той же позе, свесив голову.

– Я не убивал, – усталым голосом произнес он. – У меня есть алиби.

– Алиби? Как интересно? А откуда вы знаете, на какое время у вас должно быть алиби? Может быть, вы знаете точное время убийства?

– Ничего я не знаю. Просто в последние дни я все время находился на людях. С утра до вечера. Я почти ни на минуту не оставался один. Поэтому практически на любое время суток у меня алиби, которое могут подтвердить несколько человек.

– Ну, для того чтобы убить человека, вовсе необязательно уходить куда-то на какое-то время. Дело в том, что Приходько убил киллер, а чтобы нанять киллера, много времени не надо. Тем более подозрительно то, что у вас есть алиби. Как будто вы знали, что вас будут в чем-то подозревать.

– Нет, ну что такое! – возмущенно всплеснул руками Бакаев. – Нет алиби – плохо. Есть алиби – еще хуже. Вас, милицию, не поймешь! Так как надо, чтобы нормально было, – иметь алиби или не иметь?

– Надо не быть причастным к подобным делам, – сурово

ответила я. – А вы первый подозреваемый.

– Да почему это я первый подозреваемый?! – снова принялся возмущаться Бакаев. – Что, эта шалава больше никогда ни с кем не встречалась? Только со мной? И что, теперь всех собак решили на меня повесить?

– Нет, наверное, она встречалась не только с вами. Но только вы при всех угрожали ей смертью в случае, если она не покинет Тарасов. Было такое?

– Не было, – буркнул он.

– Было, и тому есть свидетели, вы же это знаете. Зачем все время отпираетесь?

– Какие свидетели? Ее подружки-гомики? Это свидетели?

– Да, и не только. А что вы имеете против, как вы выразились, гомиков? – я пристально посмотрела на Бакаева. Он отвел взгляд.

– Я вообще больше не буду ничего говорить. Думал, поговорю здесь с вами, и с меня снимут подозрения. А теперь, раз для вас мое алиби не годится, вызывайте в ментовку, допрашивайте. Только я приду с адвокатом.

– Да хоть с десятком адвокатов! – проговорила я и поднялась со стула. – Ну, что ж, будем считать, что мы договорились. Ждите повестку, – угрожающе сказала я и направилась к двери.

Бакаев ничего не ответил, остался в кухне. Когда я шла по коридору, я заметила на столике в прихожей хозяйскую барсетку. И не смогла удержаться от соблазна поставить на

нее малюсенький «жучок», который я всегда таскаю в сумке на всякий непредвиденный случай, вроде сегодняшнего. Прикрепляя «жучок», я сделала вид, что споткнулась, чтобы оправдать свою задержку в прихожей.

Выйдя из дома, я пошла по двору к воротам. Разговор не очень удовлетворил меня. Сама не знаю, чего именно я ждала от беседы с Бакаевым, но то, что я услышала, было не то.

С одной стороны, конечно, Бакаев показал, что ему было известно, что Приходько убили. Но это мало о чем говорило. Мало ли откуда он мог узнать об этом. Тем более, как говорил Саша, об этом говорил весь город. Не знаю... Но что-то было не так с этим Бакаевым, а что именно, я никак не могла понять, и это обстоятельство выводило меня из себя.

Я отправилась домой. Хотелось есть и спать. Погода стояла хорошая, теплая, но и она не радовала меня. Скоро бабье лето закончится, наступят холода, а там и зима не за горами...

Глава 3

С самого утра я проснулась в неважном настроении. Ночью мне снились какие-то непонятные люди, то ли мужчины, то ли женщины. Я проснулась и сразу же отправилась в душ смыть с себя ощущения ночного видения. После душа я позавтракала и поехала в салон к Кудряшову. Мне хотелось поговорить с кем-нибудь об этом Бакаеве. Не понравился он мне, и все тут. Может, это, конечно, мои личные эмоции, которые ровным счетом ничего не значат, но все же надо было либо подтвердить их, либо опровергнуть.

Я приехала в салон, прошла сразу к Саше в зал, но он был занят. В кресле сидела толстая размалеванная тетка, и Саша колдовал над ее прической, хотя, на мой взгляд, какую бы форму ни придать ее волосам, ей все равно ничем нельзя было помочь.

Кудряшов кивнул мне и попросил подождать немного. Когда он намазал волосы тетки какой-то массой непонятного зеленовато-бурого оттенка и замотал голову полотенцем, подошел ко мне.

– Доброе утро, Танечка, – в прежней жеманной манере поприветствовал он меня.

– Не такое уж и доброе, – пробурчала я, чем вызвала у Саши удивление.

– Что-то случилось? – спросил он.

– Да нет, просто настроение с утра неважное, – отмахнулась я. – Я вчера ездила разговаривать с Бакаевым. Он показался мне странным.

– Что-нибудь выяснили? – обеспокоенно спросил Кудряшов.

– Ничего интересного. Я к вам, собственно, приехала по делу. Я бы хотела поговорить с кем-нибудь, кто работал тогда с вами в салоне «Солнечный берег», когда и Женя работала там. Как мне найти этих людей?

– А что их искать? Они здесь. Кроме, конечно, Жени... – взгляд Кудряшова стал потухшим. – Все перешли работать сюда вместе со мной, только Женя в другой салон.

– Покажите мне кого-нибудь из них, мне нужно кое-что выяснить.

– А что именно вы хотите выяснить? – настороженно спросил Саша. – Я сам могу рассказать все, что вас интересует. Только вот освобожусь и поговорим, – он кивнул на уже занервничавшую в кресле даму с зелеными волосами.

– Да с вами я успею поговорить. Мне бы побеседовать с кем-нибудь еще, – настаивала я.

– Ну хорошо. Сейчас я вас отведу, – Кудряшов подошел к даме в кресле, сказал ей несколько слов, не забыв при этом пожеманничать. Потом подошел ко мне и указал на дверь. – Пойдемте.

Мы вышли из зала в узкий коридор, прошли по нему, потом попали в большой зал. Саша подошел к девушке, кото-

рая делала клиентке маникюр, наклонился к ней и принялся что-то говорить ей на ухо, время от времени показывая на меня. Девушка кивнула, и Саша сказал мне:

– Это Юля, она работала тогда с нами в салоне и была в хороших отношениях с Женей.

– Здравствуйте, – звонким голосом проговорила Юля. – Вы подождете или мы можем поговорить прямо сейчас?

– Я подожду, – я села на диван и принялась листать журналы, лежащие на столике.

Вскоре Юля управилась с клиенткой и под села ко мне.

– А давайте пойдем в комнату отдыха, – предложила через минуту она. – Там мы сможем спокойно поговорить. У меня как раз сейчас окно – клиентов пока нет.

Я согласилась, и мы прошли через боковую дверь в маленькую, но очень уютно обставленную комнатку, где стояли мягкий уголок, телевизор, столик с неизменными журналами и даже имелся маленький бар с напитками. Юля налила себе прохладной кока-колы и предложила мне что-нибудь выпить. Я отказалась от алкоголя, а попросила ее налить мне какого-нибудь сока. Протянув мне стакан с апельсиновым соком, Юля устроилась рядом со мной на диване и сказала:

– Саша сказал, что вы хотели поговорить о Жене Приходько. Он работал у нас в салоне, когда мы еще работали в «Солнечном берегу».

– Вы хорошо знали Женю? – спросила я, отметив про се-

бя, что все знакомые Приходько называют его по-разному. Кто-то говорил в мужском роде, кто-то – в женском.

– Да, мы довольно близко общались. Можно даже сказать, что какое-то время мы были друзьями.

– Понятно. А вам известна та история, когда Женя встречалась с неким бандитом по фамилии Бакаев?

– Известна, – со вздохом ответила Юля. – Это было уже после операции.

– А до операции у Приходько были... – господи, как же это сказать-то? – в ужасе подумала я, – близкие друзья?

– Вы имеете в виду любовники? – подсказала мне Юля. – Были. Мужчины.

– И какие у них были с ним взаимоотношения?

– Нормальные, – пожала плечами девушка. – С кем-то Женя встречался дольше, с кем-то меньше. Женя был непостоянным, ветреным. Но всегда он со всеми расставался по-дружески. Никогда ни с кем у Жени не было никаких конфликтов. Только вот с этим ненормальным бандитом... Все говорили ему, что не надо с ним общаться, но Женя никого не слушал. Он был так рад, что наконец-то сбылась его давняя мечта, – Юля посмотрела на меня и пояснила: – Я имею в виду то, что он стал полноценной женщиной. После операции. Он всегда так мечтал об этом...

– Скажите, а что там случилось с тем бандитом?

– Ну, они встречались какое-то время. Потом, уж не знаю, кто именно, но настучал этому Бакаеву, что Женя... не со-

всем женщина. Ну, то есть ему рассказали всю правду, что раньше Женя был мужчиной, а потом сделал операцию. И Бакаев взбесился. Он пришел однажды к нам в салон, прямо посреди рабочего дня, когда было полно клиентов, сотрудников, и начал такое вытворять... Орал, громил все, пытался даже несколько раз ударить Женю, но у нас охрана была. Его еле удержали. А Бакаев кричал, чтобы Женя убирался из города, что дает ему времени до конца суток. А если Женя не уедет из Тарасова, то грозился лично убить его. Он кричал, что в узел завяжет его, оскорблял, вообще такого наговорил...

– Да, ужасно... – согласилась я.

– А что, это он убил Женю? – робко спросила Юлия.

– Пока нет официальной версии. Но в любом случае, если даже это сделал Бакаев, то не своими руками. Он нанял кого-то. У него есть алиби на время убийства.

– Да, он мог... – со вздохом проговорила девушка.

– Скажите, а были у Жени враги? Может, у него с кем-то не ладилась отношения в последнее время?

– Да нет, что вы! – удивилась Юлия. – Женя был такой добрый, такой дружелюбный. Говорю же: у него никогда ни с кем не было никаких конфликтов, не считая Бакаева. Но и с этим ведь не по его вине все произошло. Хотя... – Юлия задумалась. – Вы знаете, они как-то поругались с Сашей Кудряшовым. Ну, с тем, что вас привел. Это уже давно было, с год назад, наверное... Да, как раз ровно год тому назад. А

так, в общем-то, никаких конфликтов у него не было.

– Скажите, а что произошло между ними?

– Да там такая история получилась... Некрасивая, – Юлия опустила глаза.

– Расскажите, это может пригодиться.

– Да я не знаю. Может, Саша будет против.

– Расскажите, это может быть важно, – настаивала я, и девушка кивнула соглашаясь.

– Тогда мы еще работали в салоне «Солнечный берег», теперь такого не существует. И Саша, и Женя были в доле. Ну, то есть был хозяин салона, а Саша с Женей имели как бы часть в деле, понимаете? А потом у них случилась какая-то разборка с их «крышей», с деньгами что-то было связано, я не знаю подробностей. Кто-то кому-то чего-то недодал, какие-то деньги, проценты или что-то еще. Ну и вот, виноватого искали-искали, но так и не нашли. Тогда эти бандиты решили прикрыть салон. И тогда Женя счел, что нашел выход из положения. Он каким-то образом свалил всю вину на Сашу. Бандиты тогда сильно избили Сашу, издевались над ним, он даже в больнице лежал. Ну а потом, когда все утряслось и Саша вышел из больницы, они сильно повздорили с Женей. Ругались на работе, я слышала, как они кричали. Саша тогда был просто не в себе, Женя все извинялся перед ним, успокаивал, говорил, мол, все же обошлось. Но Саша так разозлился на него, что едва драться не полез.

– Он угрожал ему?

– Как? – испуганно спросила Юля.

– Ну как-нибудь. Может, кричал, что убьет его или еще что-нибудь в этом роде.

– Ну, как вам сказать... Знаете, когда люди в таком состоянии, они способны наговорить столько разных вещей, пообещав сделать такое, чего никогда в жизни не сделали бы. Может, и Саша что-то такое говорил, я не помню...

– Все понятно. Спасибо, Юля. Больше вопросов у меня к вам пока нет. Если вы мне понадобится, я смогу найти вас здесь?

– Да, конечно, я работаю каждый день, кроме воскресенья.

Я распрощалась с Юлей и снова отправилась к Саше. Значит, он не все мне рассказал про ту ссору с Приходько. Однако круто они разобрались тогда. И вполне, возможно, Саша затаил зло на Женю и только теперь все же отомстил. И опасаясь, что старая история всплывет, заранее готовит себе алиби. Дескать, беспокоюсь за друга, даже нанял частного детектива, чтобы отыскать убийцу. А что, если он сам и грохнул Приходько? Возможно, возможно, ответила я сама себе.

Кудряшов уже закончил заниматься импозантной дамой и теперь сидел на диване, закинув ногу на ногу, и листал очередной журнал. Увидев меня, он отложил его в сторону и спросил:

– Ну как побеседовали?

– Нормально. Узнала много интересного. И о вас, Саша, между прочим, тоже.

– А что обо мне? – испуганно спросил Кудряшов.

– Кое-что из того, что вы от меня скрыли.

– Не понимаю, – захолопал глазами, словно кукла, Саша.

– Вы ведь поругались с Приходько некоторое время назад.

– Ну и что? – обиженно дернул плечами Кудряшов. – Я вам рассказывал об этом.

– А о том, что вы устроили Приходько скандал прямо на работе, после того как вышли из больницы, вы умолчали. Почему? Ведь есть свидетели, которые могут подтвердить, что вы кричали, ругались, грозились убить Евгению.

– Это Юлька вам наболтала? – поджав губы, тихо произнес Саша. – Трепло! – он обиженно отвернулся.

– Не наболтала, а предоставила оперативную информацию, – поправила я Сашу. – Так что вы, Саша, из моего клиента сами очень просто можете превратиться в главного подозреваемого. Может, вы специально хотели отвести от себя подозрение, пытались направить меня по ложному следу, обвинив Бакаева?

– Да нет же, нет! – закричал Кудряшов, и я увидела, как на его глазах блеснули капельки слез.

Ну, вот, только истерик нам тут не хватало, с тоской подумала я. Теперь придется ему сопли утирать.

Саша достал платок, отвернулся в сторону и принялся с шумом сморкаться. А потом, судорожно глотая воздух и пе-

ребивая сам себя, торопливо заговорил.

– Как же вы, Таня, не поймете... Женя ведь умер! – он снова почему-то заговорил о Приходько в мужском роде. – Я ведь ему все простил. Вы подозреваете меня? Но я не убивал его. Я не имею к этому абсолютно никакого отношения. И я понятия не имею, кому понадобилось убивать Женю. Нет, это Бакаев. Больше никому. Но не я! Не я! Слышите?! – Саша так орал, что в комнату заглянули две испуганные девушки.

– Все в порядке, оставьте нас! – крикнула я, повернувшись к двери.

– Да-да, все нормально, – прохлюпал Саша, снова оглушительно сморкаясь в розовый в цветочках платок.

Девушки вышли.

– Как мне доказать, что это не я сделал, – Саша посмотрел на меня заплаканными глазами, и только сейчас я заметила, что глаза у него были накрашены. Тушь грязными дорожками струилась по гладко выбритым щекам. Саша платком пытался собрать ее с лица, но только еще больше размазывал, отчего стал похож на клоуна. – Я ведь нанял вас, чтобы вы нашли убийцу. Разве это не является доказательством того, что я не убивал Женю? – сорвавшимся голосом прокричал он.

– Нет, – спокойно возразила я. – В моей практике сколько угодно случаев, когда убийца, совершив преступление, сам же нанимал меня, чтобы я расследовала его. И, знаете, я все равно докапывалась до сути, хотя преступник думал,

что классно все замаскировал и что я ни за что не догадаюсь. Но, к сожалению или к счастью, все тайное рано или поздно становится явным, — я протянула Саше свой платок, потому что его розовый платочек стал совершенно ни на что не похожим. Он промок и пропитался тушью и прочей косметикой. — До свидания.

Саша, взяв из моих рук платок, растерянно посмотрел на меня и захлопал длинными ресницами.

* * *

Выйдя из салона, я решила отправиться поближе к Бакаеву, ведь в его барсетке я оставила «жучок» и теперь надо было послушать, как он там поживает. Я развернула машину и поехала к загородному дому бандюгана Коляна.

Когда я подъехала и настроила аппаратуру, оказалось, что мне повезло и Бакаев пока находится дома. В наушниках я услышала приглушенные звуки музыки. Похоже, Николая Васильевича не так уж огорчил мой визит, раз он веселится. Я прибавила громкость, хотя «жучок» у меня достаточно современный и улавливает малейшие колебания воздуха, и прислушалась.

Ничего, кроме музыки, слышно не было. Потом раздались шаркающие шаги, и я услышала звук льющейся воды. Потом музыку не стало слышно, Бакаев либо выключил ее, либо убавил громкость. Я прислушалась. Бандюган Колян со-

брался кому-то звонить – совсем громко раздался писк нажимаемых клавиш сотового телефона. Вслед за этим зазвучал голос:

– Але, здорово, это я, – проговорил Бакаев. – Ну, как там дела? – Он послушал отчет невидимого абонента о состоянии дел, потом сказал: – А я уже договорился. Что? Ну, не знаю, сколько... Тысяч тридцать, сорок, наверное. Или побольше... Нет, не пойдет...

Я ничего не понимала в этой абракадабре и решила, что этот разговор не относится к делу. То есть – к моему делу. Похоже, Бакаев просто сделал какой-то деловой звонок. Я сняла наушники. Что мне теперь, целый день слушать его переговоры с корешами? Посидев немного, я снова надела наушники. Телефонный разговор закончился, снова зазвучала музыка. Колян был, похоже, в таком хорошем расположении духа, что даже что-то подвывал тихонько. Слуха у Бакаева не было и в помине, и он голосил что-то не чтобы рядом с ногами, но даже и не вокруг. Я улыбнулась и сняла наушники. Слушать его телефонные базары, а тем более завывания на произвольные темы у меня не было никакого желания. Подожду немного. Может, он поедет куда.

Я решила переставить машину таким образом, чтобы мне был хорошо виден выезд из ворот дома Бакаева. Я не знала, какая у него машина, поэтому нужно было быть настороже, чтобы не пропустить Коляна, когда он соберется прокатиться по Тарасову.

Прождав часа три или даже больше, я ничего не выиграла. Колян, похоже, никуда не собирался сегодня, ему и дома было хорошо. За то время, пока я ждала, он сделал еще пару звонков приблизительно того же содержания, что и первый, и на этом все закончилось. Колян слушал музыку, периодически подпевая особенно понравившейся мелодии.

Я посидела еще немного для очистки совести, потом убрала подслушивающую аппаратуру, завела двигатель и поехала восвояси. Когда я проезжала по узкой, еще не заасфальтированной дорожке, ведущей к главному шоссе, мне навстречу попала машина – новенькая сверкающая десятка цвета «розовый беж», за рулем которой сидела молодая девица наглого вида. Сразу стало понятно, что на дорожке нам не разъехаться. Девица принялась нагло сигналить, требуя, чтобы я пропустила ее. Я показала ей, что не смогу сдать назад, так как сразу сзади меня был поворот, но девица продолжала упрямо жать на клаксон.

Тогда я нажала на педаль газа и плавно тронулась навстречу ее новехонькой «десятке», давая этой глупой королеве понять, что не намерена уступать ей дорогу, а собираюсь протаранить ее тачку, если она не уберет ее по доброй воле. Девица вытаращила глаза, видя, как я медленно, но верно двигаюсь ей навстречу. Наконец, она сообразила, что я сейчас сомну передок ее машины и принялась лихорадочно отъезжать назад. Сдав достаточно для того, чтобы мы могли нормально разъехаться, девица с пренебрежительным ви-

дом уставилась на мою поношенную и выдавшую виды «девятку», а когда я проезжала мимо, презрительно хмыкнула. Вот ведь глупая курица!

Выехав на шоссе, я прибавила скорость и помчалась по почти пустой трассе в Тарасов.

* * *

Приехав домой, я позвонила Гарику Папазяну, чтобы узнать, нет ли каких новостей по делу об убийстве Приходько. Гарик был на месте и обрадовался моему звонку:

– А-а, Танечка, здравствуй, дорогая. Как дела?

– Дела, как сажа бела, – весело ответила я и спросила напрямик: – Гарик, не знаешь, нет ли чего нового по моему делу?

– Так ты за этим мне звонишь? – разочарованно проговорил Папазян. – А я-то, старый дурак, обрадовался, что наконец-то у тебя появилось время и желание пообедать в обществе твоего старого верного друга...

– Гарик, как-нибудь в следующий раз обязательно пообедаем, а пока... Ты же знаешь, когда у меня есть работа, я отдаюсь ей целиком. Ну так что там по делу, есть новости?

– Нет, – вздохнул Гарик. – Ничего. А у тебя?

– Гарик, я не выдаю профессиональных секретов, – лукаво ответила я.

– Ну, конечно, как тебе что-нибудь нужно, то Папазян вы-

дает профессиональные секреты, а ты ничего никогда не говоришь. Вот так всегда... Эх, Танька, пользуешься ты своей красотой и тем, что я от тебя без ума, – уныло проговорил Гарик.

– Не кисни, Гарик, – попыталась я его успокоить. – Когда-нибудь я тебе все расскажу. Или сам прочтешь в моих мемуарах.

– Ты все обещаешь, обещаешь... Давай тогда договоримся: как только ты закончишь это дело, то поужинаешь со мной и все расскажешь.

– По рукам. Ты знаешь – я слово держу, – засмеялась я в ответ. – Гарик, еще одна просьба. Ты, пожалуйста, держи меня в курсе, если вдруг станет известно что-то по этому делу, ладно?

– Хорошо, дорогая, хорошо. Папазян все сделает ради тебя.

– Спасибо, Гарик, я этого не забуду.

Мы попрощались, и я положила трубку.

Похоже, что прокуратура плюнула на это дело и объявила его очередным «глухарем». А что, «глухарем» больше, «глухарем» меньше, какая разница... Вот так и работают наши правоохранительные органы. Ну, что ж, может, это и к лучшему. Тогда для нас, частных детективов, работы больше будет, и на свой кусочек хлебушка с маслицем ты, Танюша, всегда заработаешь.

Вечером, когда я сидела дома, мне в голову вдруг пришла мысль снова поехать к дому Бакаева и еще немного послушать его разговоры. Сама не знаю, почему, но я каким-то шестым чувством осознала, что должна сейчас поехать туда. Меня словно влекла неведомая сила.

Я не стала долго испытывать терпение своей интуиции, села в машину и поехала по направлению к дому Николая Бакаева. Когда я подъехала к его коттеджу, уже начало темнеть, но мне это было только на руку.

Я настроила аппаратуру, попутно обдумывая, как потом забрать «жучок». Разбрасываться дорогостоящей техникой не в моих правилах. Надев наушники, я сразу же отчетливо услышала самого хозяина. Бакаев, похоже, разговаривал с кем-то по телефону.

– ...Лучше сегодня, – настойчиво говорил он. Неужто договаривается с кем-то по телефону о встрече, обрадовалась я. Потом, помолчав и послушав, что говорит ему абонент, бандюган Колян сказал: – Нет, нет, мне нужно сегодня... Да какой, поздно?! – возмутился он. – Так, короче, буду ждать тебя на выезде из Тарасова в сторону Желтогорска. На пятом километре... Договорились? – Абонент что-то сказал, видимо, согласился, потому что Бакаев больше не настаивал, а проговорил спокойно: – Ну вот и лады. Значит... сейчас...

полдевятого. Давай в девять... Все, пока, – я услышала, как Бакаев положил трубку.

«Куда-то собрался», – подумала я. Интересно, куда. Встреча скорее всего не деловая, иначе зачем ему было бы назначать свидание так поздно да еще на выезде из Тарасова. Все равно, я последую за ним и посмотрю, с кем это встречается Бакаев в столь поздний час.

Я достала из бардачка фотоаппарат – хорошую цифровую камеру, которую купила недавно в Москве специально для работы. Проверила, есть ли в нем пленка, батарейка. Все было в порядке, теперь осталось только ждать, когда Бакаев поедет на «стрелку».

Ждать пришлось недолго. Буквально через пять минут он выехал из своего дома на темно-синем джипе «Хендэ». Я неспешно поехала следом, стараясь оставаться незамеченной. Джип ехал довольно быстро, и мне было трудно катить следом, да еще так, чтобы Бакаев меня не засек. Машин на дороге было не так уж много, поэтому я периодически вынуждена была на свой страх и риск обгонять джип, а иногда останавливаться, чтобы не быть замеченной.

Наконец, мы достигли выезда из Тарасова, о котором говорил Бакаев. Я отстала немного, чтобы мое преследование не бросалось в глаза. Бакаев чувствовал себя вполне уверенно, а это говорило о том, что меня он не заметил. Значит, слежу я на уровне, с чувством самоудовлетворения подумала я. Еще бы, годы тренировки сказываются!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.